

Данные исследований автора свидетельствуют, что в Тюменской области сохраняются признаки скрытой формы межэтнической напряженности. Это говорит о необходимости поиска специфических черт в развитии межэтнических отношений в северных округах, вычленения оснований для их возможной типологизации при определении совокупности и иерархии факторов, способствующих или препятствующих гармонизации данных отношений.

Результаты исследований автора позволяют предположить, что напряженность во взаимоотношениях между татарами и представителями других национальностей будет в ближайшие годы усиливаться. На первый план выйдет группа причин и предпосылок объективного и субъективного характера:

- экономические (падение жизненного уровня);
- исторические (борьба за достоинство этноса);
- правовые (четкое разграничение полномочий центра и региона);
- природные (проблема земли и ее недр как национальных территорий);
- этнокультурные (проблемы национальных языков, интерес к национальным традициям);
- демографические (миграция, падение доли этнического населения в общей численности населения региона) и др.

Главный вывод, который нужно сделать, состоит в том, что негативное влияние этнокультурных факторов на межэтнические отношения несущественно, а исторически сложившееся взаимопроникновение этнокультур обеспечивает стабильность в сфере межэтнических взаимоотношений. Причем социально-экономические факторы оказывают негативное воздействие на этнокультурные отношения, создавая предпосылки для ее дестабилизации. Инерция (в положительном смысле) интернационалистических традиций не позволяет пока экономическим противоречиям непосредственным образом перейти в межэтнические, однако по мере общего ухудшения состояния экономики и дальнейшего падения уровня жизни вполне возможна достаточно жесткая корреляция между этнокультурным статусом человека и его экономическим благополучием.

*Елена Николаевна ЯРКОВА —
профессор кафедры философии ТюмГУ,
доктор философских наук*

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Современный мир становится все более сложным и непредсказуемым. Соответственно все более проблематичным представляется построение некоторых теоретических конструкций, обобщающих все изменяющееся многообразие реальности. Если в прошлом историческая апробация какой-либо концептуальной схемы могла осуществляться на протяжении целой эпохи, то сегодня зачастую достаточно нескольких лет для того, чтобы теория перестала «работать», отвечать всей сложности и многообразию мира. Ярким примером этому может служить концепция толерантности. Еще недавно социологами она воспринималась как панацея от всех форм экстремизма, сегодня в результате трагического опыта последних лет происходит разочарование в этой парадигме, рождается представление, что далеко не всегда толерантность одного из партнеров межэтнических коммуникаций вызывает ответную толерантность; напротив, очень часто встречается такое явление, как асимметрия коммуникационных

стратегий, когда толерантное отношение одной из сторон наталкивается на непреодолимую стену отчуждения, ненависти другой стороны. Конечно, нельзя говорить о том, что вследствие такого рода «сопротивления материала» концепция толерантности в целом становится несостоятельной, речь скорее должна идти о ее усложнении, наполнении новыми деталями, разработкой новых сторон. Собственно говоря, процесс реинтерпретации концепции толерантности в современном научном и общественно-политическом дискурсе, выражаясь современным обыденным языком, «уже пошел». Сегодня, например, говорят о толерантности как притерпелости, о толерантности слабого и сильного, о границах, пределах толерантности [7]. Необходимо отметить, что сама идея пределов толерантности в русской интеллектуальной культуре имеет достаточно давнюю историю. Например, в начале прошлого века И. Ильин выступил с резкой критикой учения Л. Толстого о «непротивлении злу силою», где утверждал, что братская любовь человека к человеку имеет предел: «...любовь кончается там, где начинается зло» [5, с. 141]. Философ настаивал на том, что в отношении к злодею духовная любовь выражается не в потакающем сочувствии, а в решительном пресечении как единственном способе направить душу к Богу. Несомненно, позицию И. Ильина едва ли можно считать конструктивной, тем не менее она заставляет задуматься о том, существуют ли иные, кроме терпимости, способы нейтрализации экстремизма; апелляция к каким, помимо толерантности, аргументам способна остановить агрессивно настроенных людей; наконец, каков генезис толерантности, ее корни, предпосылки, факторы, способствующие ее формированию?

Как представляется, ответы на эти вопросы лежат, в первую очередь, в культурологической плоскости. Толерантность, так же, как и экстремизм, прежде всего — формы нравственности, поэтому для того, чтобы понять природу этих явлений, необходимо вскрыть их внутренний смысл, выявить нравственную подоплеку.

С позиций культурологии межэтническая толерантность — атрибут одной из стратегий межэтнической коммуникации, получившей в культурологии наименование «диалог». Необходимо при этом сразу оговориться, что в отличие современных общественно-политических дискурсивных практик, где сегодня происходит фактически отождествление понятий «диалог» и «межэтническая коммуникация» [2, с.207], в культурологии диалог рассматривается лишь как одна из форм межэтнических контактов, наряду с которой выделяются и иные формы, например, монолог. Представляется очевидным, что отнюдь не диалог, а монолог был исторически первой формой межгрупповой интерактивности, именно в монологические тона окрашивались контакты древнейших культурных сообществ. Можно выделить две разновидности монолога — изоляционистскую и ассимиляционную. Обе стратегии зиждутся на идеалах этноцентризма, авторитарны и интолерантны по своей природе. В рамках изоляционистских стратегий, ориентированных на отторжение иных этнических культур, межэтническая толерантность квалифицируется как проявление слабости, беспринципности, трусости, оппортунизма. Собственно говоря, такого рода комплекс этнической интровертности восходит к племенной психологии, в рамках которой «чужие» оценивались как «нелюди», по отношению к которым «...насилие и жестокость оказывались даже благом, заслуживающим восхваления и воспевания» [1, с. 150]. По утверждению психологов, на заре человеческой цивилизации племенной геноцид был «нормативным» явлением. Межплеменные отношения окрашивались такими чувствами, как смертельная ненависть и страх, поэтому идея пощады, пленения или какого-нибудь использования «чужака», тем более нечто похожее на чувство угрызения совести из-за расправы над беспомощным нелюдем (младенцем, раненым), — все это было чуждо архаике: «Психологически задача стояла не в том, чтобы победить, подавить, покорить, унижить или даже съесть, а в том, чтобы ликвидировать «двойника» [6, с. 43]. Важно понять, что родоплеменной изоляционизм архаичного человека отнюдь не был лишь свидетельством необузданности первобыт-

ных инстинктов, напротив, он выступал как достаточно осмысленная стратегия выживания. Внутриплеменная солидарность, как важнейшее условие функционирования первобытного присваивающего хозяйства (охоты и собирательства), достигалась в результате противопоставления объединяющего понятия «мы» отделяющему понятию «они». Дихотомия «мы»—«они» подпитывалась борьбой за ресурсы, которых в силу экстенсивных форм хозяйствования не хватало.

Способы жизнедеятельности современного человека чрезвычайно отличаются от тех, что бытовали в первобытную эпоху, однако древнейшие формы социальной регуляции сохранились и сегодня. Такие рудименты культуры, как кровная месть, этнофобия, этнический экстремизм, терроризм до сих пор не утратили своего влияния над умами людей — власть мифологических первообразов вообще отличается необычайной прочностью.

Ассимиляционные стратегии менее ригористичны: направленные не на отторжение и уничтожение, а на поглощение иных этнокультур, они представляются более продвинутыми в плане освоения гуманистических ценностей. Однако представление о гуманизме в рамках ассимиляционных стратегий носит ограниченный характер. Иллюстрацией этой ограниченности может служить, например, высказывание одного из служащих царской администрации в Туркестане, в котором были озвучены некоторые принципы российской колониальной политики XIX века: «Мы уничтожим имя киргиза, такова судьба истории, но мы не уничтожим народа, мы примем его в свою плоть и кровь, дадим ему когда-нибудь истину евангельского учения и приобщим этих детей пустыни к тому торжественному ходу человеческого гения, в котором сами участвуем» [4]. Присущая ассимиляции экспансионистская направленность исключает саму основу существования межэтнической толерантности. Нацеливая не на «общение, а на обобщение» (Библер), на нивелирование многообразия культуры, ассимиляционные стратегии несут в себе скрытый заряд агрессивности и конфликтогенности. Заметим, что монологические стратегии в целом носят коллективистский, трансперсональный, архетипический характер. В их основе лежит не рациональный поиск решения возникшей проблемы, но апелляция к некоторым готовым культурным образцам поведения.

Квалификация межэтнической толерантности как ценности, как нравственного идеала и моральной нормы осуществляется в русле диалогических стратегий. Важнейшими установками диалога являются ориентация на паритет ценностей контактирующих этнокультур, осмысление коммуникации как процесса ценностного синтеза. Диалогический образ мышления заключается в способности субъекта коммуникации, сохраняя и развивая ценности своей этнокультуры, ее самобытные и неповторимые черты, быть способным к пониманию ценностей иной этнокультуры, а также к формированию общих ценностей, «срединной культуры». Диалог возникает в результате развития рефлексии, критического мышления, самоанализа, эмпатии — способности поставить себя на место своего оппонента. О роли эмпатии в процессах межэтнической коммуникации образно писал Э. Геллнер: «... политические проявления националистического чувства стали бы гораздо умереннее, если бы националисты так же остро чувствовали несправедливости, совершенные их нацией, как они чувствуют несправедливости, совершенные по отношению к ним» [3, с. 121]. Диалогическая логика складывается как процесс самоорганизации, направленный на формирование смыслов и ценностей, отвечающих сложившейся сложности мира. Понятно, что такая логика культуры не рождается внезапно, «на пустом месте». Идеи диалога формируются постепенно, шаг за шагом вытесняя монологические идеалы. Таким образом, можно говорить о существовании промежуточных, гибридных коммуникационных стратегий. Гибридный тип межэтнической коммуникации, будучи «полуфабрикатом» диалога, двойствен по своей природе. Он слагается как антиномия диалогических и монологических принципов. Соответственно, идеалы межэтни-

ческой толерантности в рамках гибридных стратегий получают паллиативные формы, эклектически соединяясь с ассимиляционными или изоляционистскими принципами. Воплощением гибридности была советская национальная политика, в русле которой принцип национального равноправия соединялся с принципом разделения народов на передовые и отсталые. Ассимиляционные устремления приобретали форму помощи «отсталым братским народам». Другим вариантом гибридности можно считать постсоветскую плюралистическую модель этнического мира, в пространстве которой представление об этническом равноправии соединяется с актуализацией этнического локализма.

Переход от монологических стратегий к диалогу, соответственно, от экстремизма к толерантности — отнюдь не автоматический процесс. Для его осуществления нужны некоторые дополнительные стимулы. Как представляется, одним из таких стимулов является специфический тип нравственности — утилитаризм.

Полагая в свое основание принцип человеческой пользы, утилитаризм продуцирует две основные стратегии межкультурной коммуникации: умеренный утилитаризм и развитый утилитаризм.

Умеренно-утилитаристская стратегия предполагает раздвоение культурного вектора: абсолютизируя ценности «своей» культуры, она ориентирует на использование средств, сформированных в рамках иных культур. Не отказываясь от идеи собственной этнической исключительности, умеренный утилитаризм нацеливает на потребительское отношение к иным этносам как источнику средств. Такого рода стратегии представляют собой древнейшую форму межэтнических контактов. Прецеденты утилитарного отношения к «чужим» возникают в недрах культурной архаики. Исследователи свидетельствуют о том, что характерный для палеолита «нормативный» геноцид — массовое истребление и людоедство — вытесняли неолитические формы коллективной эксплуатации, инициируемые утилитарными соображениями, из которых следовало, что «... чем истребить или согнать с освоенной территории более слабых, выгоднее периодически изымать у них «излишки» производства, и вместо того чтобы безнадежно сражаться или бежать от более сильных, можно, отдавая часть продукта, пользоваться их покровительством» [6, с. 51].

В основании стратегии «развитый утилитаризм» лежит принцип межэтнической интеграции в инструментальной, технологической сфере. Для этой стратегии характерно дистанцирование от высших ценностей, перемещение коммуникационного поля на уровень средств. В рамках развитого утилитаризма рождается идея этнического паритета в области инструментально-технологической деятельности — экономического, научного и т. д. сотрудничества. Законченную форму развитый утилитаризм получает, например, в философии прагматизма. С позиций прагматизма ведущим регулятивом социального взаимодействия является «прагматистская максима» — слагаемая из удобств контактирующих сторон максимальная сумма удовлетворения потребностей. Однако потребности конфликтуют, поэтому стратегией поведения должно стать гибкое приспособление, компромисс, подразумевающий множественность вариантов действий [8].

Стратегии утилитарного типа в общей динамике межкультурной коммуникации играют особую роль. Не имея самостоятельной ячейки в типологическом ряду монолог-гибридность-диалог, утилитаризм составляет второй — параллельный план коммуникационных стратегий. Возникая на фоне архаичного монолога, он создает смысловой контрапункт изоляционистским стратегиям, способствует их мутации. Утилитаризм становится силой, преодолевающей такие базовые архаичные культурные установки, как изоляционизм и ксенофобия. В сущности, он выступает как исторически первая культурная основа межплеменного компромисса. Конечно, нельзя не констатировать того, что направленный на преодоление узости и ограниченности изоляционистских стратегий, утилитаризм и сам не свободен от подобных недостатков, и

видеть в нем оптимальную форму межэтнической коммуникации более чем опрометчиво. Тем не менее, утилитаризм можно считать стимулом формирования новых, более продвинутых в плане освоения идеалов толерантности, стратегий межэтнической коммуникации. Возникая как антитеза изоляционизму, утилитаризм создает такой феномен, как двойной стандарт коммуникационного поведения. По мере роста утилитаризма эта раздвоенность становится все более напряженной, требующей «снятия». В результате «снятия» формируется новая – ассимиляционная стратегия межэтнической коммуникации. Дальнейшая эпопея становления коммуникационной стратегии «диалог» связана с переходом от ассимиляционных стратегий к гибридным. Этот переход также во многом инициирован ростом утилитаризма, становлением его развитых форм. Именно в пространстве установок развитого утилитаризма впервые рождается идея паритета контактирующих этнокультур. Несомненно, это этническое «равноправие» понимается узко, только на уровне средств, технологий. Тем не менее, сам принцип хотя и усеченной, но равноценности звучит диссонансом ассимиляционным стратегиям и в перспективе ведет к отказу от установок культурного монизма, введению элементов культурного плюрализма. Появление гибридной культуры есть попытка ценностно-смыслового структурирования сложившихся под напором утилитарных мотиваций представлений о культурной равноценности. Однако в рамках гибридности эти попытки не дают значимых результатов. Способ ценностной легитимизации принципа паритетности контактирующих этнокультур в рамках гибридных стратегий носит половинчатый характер. Таким образом, нарастает потребность разрешения вопросов, поставленных утилитаризмом. Этим разрешением становится коммуникационная стратегия «диалог». Итак, постепенно нарастая, утилитаризм способствует переходу от монолога через гибридные стратегии к диалогу. Он выступает как одна из движущих сил динамики межэтнической коммуникации, как импульс качественных сдвигов в характере межэтнических контактов.

Несомненно, нельзя идеализировать утилитаризм. Межэтнический консенсус, выстроенный на утилитаристских началах, принципах сиюминутной пользы, постоянно находится под угрозой срыва, деструкции. Вместе с тем, именно утилитаристский релятивизм становится важнейшим средством преодоления монологической статичности мышления, именно благодаря релятивистским установкам коммуникационное поле приобретает динамичный характер, в его наполнение «просачиваются» и начинают приобретать все более значимую роль элементы критического мышления, рефлексии. Переломным моментом в этом процессе является стратегия «развитой утилитаризм». Утверждаемые ею идеи экономического, научно-технического сотрудничества, содействия, совместного решения проблем, общей пользы и обоюдного успеха являются путеводными нитями в пространство диалогических смыслов, толерантности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмолдоева Ш. Б. Древнекиргизская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). Бишкек, 1996.
2. Библер В. С. О логической ответственности за понятие «диалог культур» // Библер В. С. На гранях логики культуры. М., 1997.
3. Геллнер Э. Нации и национализм // Вопросы философии. 1989. № 7.
4. Загряжский Г. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1874. № 28.
5. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5.
6. Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (Синергетика социального прогресса). Курс лекций. М., 1995.
7. Толерантность и экстремизм в современной России // Программа Всероссийской научной конференции. Тюмень, 2002.
8. Фредерик Р., Петри Э. Деловая этика и философский прагматизм // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 70 - 79.